— Мне очень жаль, — сказал он мне. И сердце сделало кувырок. — Нам придется расстаться.

Сердце остановилось.

— Пишите заявление на увольнение.

Я подавилась собственным сердцем и закашлялась, багровея, пуча глаза и нарушая торжественность момента.

Он уже отвернулся к телефону, сверкнув запонкой и выбритой лаковой щекой.

— В кадры, — сказал он мне краем рта, и я пошла на чужих, отсиженных ногах по чужому теперь коридору. Резали глаза офисные длинные лампы и черные юбки сотрудниц. Я шла в кадры.

А ведь все так хорошо начиналось. Провожая меня в кабинет шефа, весь отдел весело скалился:

— Что это он тебя опять вызывает? Смотри там, что-то нечисто это.

Я и сама думала, что нечисто. Шеф, симпатичный, харизматичный, на удивление холостой и совершенно точно правильно ориентированный, возбуждал интерес у наших незамужних и замужних, молодых и не очень молодых девушек. Даже Марья Петровна приосанивалась с тряпкой в руках при виде нашего красавца с темной безукоризненной стрижкой и явно неместным загаром. И я давно уже, с замиранием в сердце и, что там говорить, животе, замечала его взгляды и прищур светло-серых глаз. И чего уж я себе не намечтала, создав с ним мысленно идеально-многодетную семью. И вот на тебе. «Нож в спину», — сказало что-то во мне голосом мадемуазель Постик из «Ищите женщину»: «Полиция, нож в спину…»

Кадровичка, «блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна, толпою нимф окружена…», откинув безупречно гладкие волосы, прозрачными пальцами выдала мне трудовую. Аккуратно, чтоб не повредить ноготки, поставила печать. И не задала ни одного вопроса, что наводило на мысли, но мыслей не было. Причем свободна я была тут же, без всякой отработки.

Я взяла в своем, уже не своем, отделе сумку, мягко висевшую на стуле, и, отворачиваясь от привстававших со стульев от веселого любопытства коллег, выслушала:

— Ого! Ты куда?! Вы с ним?! Куда?!

— Я еду с Якиным в Гагры, — выговорили мои губы отчетливо. И, не отвечая на расспросы, вышла, распахнув дверь.

Мозг покрутил еще киноцитаты и отпустил меня на свободу. На свободе меня начало морозить. Я шла по теплой улице и лязгала зубами. Из глубины полезли страхи. Я не найду работу быстро. Я никогда не найду работу. Я буду перебиваться с воды на хлеб. А потом и хлеба не будет. Я позвенела в кармане мелочью и, захлебываясь ужасом, попыталась пересчитать, сколько у меня на карточке. Я не смогу платить за квартиру. Меня выселят. Я пропаду, я уже пропала. За что меня? Я работала, я стремилась. Не хуже других. До последнего времени была уверена, что делаю карьеру, медленно, но все же. И взгляды, я же не могла ошибаться. То есть он вот так смотрел на меня с прищуром и думал, пора эту убирать, она ни на что не годна? Мамочки, как страшно, стукнули зубы. И что теперь, мало того, что я никчемный

работник, я еще не разбираюсь в мужчинах, в людях просто, черт их подери.

Я брела по листьям и цеплялась взглядом за углы, за столбы, за вывески. У меня не заплетались ноги, но у меня заплетались глаза, можно так сказать? И вывески эти, тысячу раз раньше читанные, втыкались в голову половником и все яростней замешивали кипящую там кашу.

«Мир шапок», черт-те что, какой может быть у шапок свой мир? Вот, помахивая, пролетает там ушанка, вот нагловато посвистывает кожаная кепка, цыкая зубом. Вот трогательную, розовую с помпончиком ведет норковая, гнездом, мама. Бр-р-р!

Рядом «Мир колготок» и «Мир портьер» так и вошли в мое сознанье: призрачно-сумеречный мир со слабо колыхающимися занавесями, приоткрывающими ряд за рядами такие же мерно вздымающиеся пелены, и среди них уныло переступающие, высоко вздымающие пустые ступни колготки.

И добила меня, просто добила «Вселенная кадров». Когда зелененькие человечки полезли с планетолета, все как один, сжимая трудовые книжки в перепончатых лапах, я схватилась за голову и замычала. Я схожу с ума, мне надо, надо к кому-то с этой бедой. К кому? Еще большим ужасом, чем предательство всего моего привычного мира, стало для меня неожиданное открытие, мне не к кому идти. Да, у меня мама, у меня подружки. Но.

К маме нельзя с этим, ее это огорчит, она будет больная вся от моих неудач, и к ней так же, как и ко мне, придут все эти ужасы поочередно. Нет, нельзя. Подружки. Нет у меня таких подружек — и в горе, и в радости. Посочувствовать и порадоваться потом — невольно стыдно, что кому-то хуже, чем тебе. Я сама такая, нет, не обижайтесь, подружки, я вас люблю. Но нет, не сейчас.

Мимо прогромыхал по стыкам трамвай, на боку его проплыли слова, прямо слева направо в мою душу: «ПЛОХО И СТРАШНО? НЕ МОЛЧИ, ПОЗВОНИ 0000007».

Эти печальные нули вдавливались один за другим в мою беззащитную грудь, и мне прямо физически захотелось от них закрыться, но подъехала последняя твердая победительная семерка, и стало легче, что-то затрепетало ответно во мне.

С внезапно появившейся надеждой, сжимая в кармане телефон, я дошагала до дома. Рядом шли люди, шумела жизнь, и поганые колготки отстали от меня. Но закрылась за мной тяжелая подъездная дверь, унизительно шлепнув по заду, и опять никого, пустой лифт повез меня наверх, запечатав в одиночную камеру. К квартире я подходила уже в смертном страхе, чувствуя пустоту и проваливаясь в нее на каждом шаге. Заперлась и последняя дверь. Все. Тишина.

Я схватилась за телефон. 0000007. И вдруг представила, как набираю номер и на том конце отвечает бодрый голос студентки-волонтера:

— Здравствуйте, я Татьяна! Хотите поговорить? — с наигранной внимательностью и с сожалением оглядываясь на оставленный на время разговора дымящийся чай. Еще немного, и я увидела надкушенный пирожок на столе, с яблоком.

Звонить расхотелось.

Я подумала о чае, с вкусненьким. Фу, тошно. Нет, мне нужно было кому-то сказать. Я больше не могла молчать и набрала 0 0 0 0 0 0 7, представляя на каждой цифре, как студентка-волонтер с ненавистным мне именем Татьяна макает пакетик в кружку с потеками и весело треплется с соседкой. Но не набирать я уже не могла.

— 7!

Гудок, и сразу провалилось:

— Тебе плохо и страшно, Оленька? — спросила меня старушка, такая бабушка из сказок, отложив вязание. — Поплачь, девочка.

И я захлебнулась слезами. Булькая, завывая, совершенно неприлично хлюпая носом. Я рыдала и что-то говорила, отрывистые фразы, в которых ничего не могла разобрать сама, но собеседница понимала, и мне не было это странным.

— Пожалей себя, Оленька, пожалей, детонька.

И я пожалела. И мне абсолютно не было странным, что она знает, как меня зовут. Знает, и все. Ох, как я себя, горькую, пожалела. Это все длилось очень долго, и из меня поперли обиды прошлых лет. И я испугалась и порадовалась, что не пошла с этим к маме.

— Тебе уже не страшно, — сказала старушка, — не страшно, но плохо.

— Да, да, — твердила я. — Мне плохо! Меня обидели на выпускном! В саду! Нет, в яслях! И горшок, горшок мне всегда давали холодный!

ПРОХОЖИЙ

По отцветающей земле
шел человек в вечерней неге.
Чеканных звезд в восточном небе
не будет более, чем лет,
что между днями — тем и этим.
Кем был он? Впрочем уж, сейчас
ни мы на это не ответим,
ни те, кто будут после нас.

К тревоге, боли, суете
все привыкает поневоле;
а кто привык — тем до него ли?
В своей наивной правоте
купец подвалы заполнял,
а караул спешил на смену,
пастух отару загонял,
чинили каменщики стену.

Шел человек осенним днем —
герой резца, пера и кисти;
рабы свой срок отживших истин
имели мнение о нем,
что он питается травой;
что учит жить, а сам-то — нищий,
что хлыст над этой головой
не раз, не два еще посвищет.

И нет бы жить своим трудом —
не раздражать жестоких судей,
не разглашать глубоких сутей.
Полезно помнить и о том,
что размечтавшиеся вслух
подолгу не гостят на свете —
свет истребляет их как мух,
а их слова уносит ветер.
В тот век расправа ни за что
была вполне привычным делом.
Никто не понял в мире целом,
что в эти дни произошло
в одной из мелких областей,
что неизменно пустовала,
где спали страсти всех мастей,
и лишь любовь — не ночевала.

Но некто, помня те слова,
запишет их свинцовым стержнем,
и мир уже не будет прежним, —
слова войдут в свои права,
и больше ни в один из дней
так не изменится планета,
как в день, когда прошел по ней
тот человек — из Назарета.

Игорь ЛАПШИН

П. КИРОВА S ВОКЗ
ПЛОХО и СТРАШНО?
НЕ МОЛЧИ, ПОЗВОНИ 0000007

Lipton

ЗЕЛЕНОЕ И ГОЛУБОЕ

Проступает повсюду — зеленый,
Свеж, как чувство, — неясен пока,
Почкой, тайной, землею спеленут —
Цвет сукна на столе игрока.

Крутит гонщик под солнцем педали,
Белый куст,
как на сцене,
молчит,
Словно люди вовек не страдали,
Мир проснувшийся
ангельски чист.

Дальше будут озера и горы,
Нас подхватит там цвет голубой,
В облаках не бывает опоры,
Неизвестно, что будет с тобой.

Треугольники темные елей,
Как печати темнеют вокруг,
В светлый лес их поставить успели
Канцелярии вечных наук.

Эта нежность начала лесного
И восторг после долгой зимы...
Я споткнусь, подбирая к ним слово,
Будто к чувству, что спрятали мы.

Клавдия МАТУХИНА

Без сил я уснула. Все, даже самые маленькие всхлипы вышли из меня. И она все время была рядом.

— Спи, Оленька, — будто подоткнула мне одеяло. — Спи. Завтра будет ясное утро.

Как после детских очищающих слез спалось мне в эту ночь, снилось что-то легкое, и я улыбалась во сне и знала, что улыбаюсь.

Утро было действительно ясным. Но вставала я тяжело, было ощущение, что я вчера пахала. Лошадью. По сырой и тяжелой земле. У меня болело все: мышцы, руки, ноги; сводило челюсти. Я была разбита.

Я сидела на краю ванны и еле возила щеткой по зубам пудовой рукой. Не было сил встать. Но голова была на удивление легкой, и по ней, по пустой, бродили какие-то мысли, ни на чем не задерживаясь и ни обо что не застревая.

Я попила чай, пожевала неожиданно вкусный бутерброд. И подумала о вчерашней старушке, как ей досталось от меня, бедной. Мне было не очень приятно об этом думать, я свернула эту мысль и слепила еще один бутерброд.

С воздушным шариком вместо головы и глазами Веры Холодной я бездумно прогулялась по улицам и магазинам, купила там какую-то ерунду, вроде бы доставившую мне радость. И так же, ни о чем не думая, открыла холодную дверь в потрясшую меня вчера «Вселенную кадров». Там я, вежливо и бездумно улыбаясь, заполнила анкеты, и всем, по-видимому, понравилась. Так что мне тут же, не мешкая, созвонившись, дали направление на собеседование в довольно приличную организацию с довольно приличной зарплатой.

С разгону я отправилась туда и, совершенно очаровав своими пустыми глазами начальника, прошла собеседование. И была приглашена явиться завтра с утра в кадры с документами.

Вечером, дома, в сереющих сумерках, напомнивших мне колышущийся мир портьер, меня и накрыло.

Я рвалась и металась, зачем, зачем, я не хочу, не хочу ехать в этот офис, не хочу работать там, и вообще не хочу работать, и вообще не хочу хотеть. Я пообещала, на меня рассчитывают. А я не хочу. Надо! Не хочу!

Позвонила маме, мама сказала, решай сама, если не хочешь, то что ж, но ведь деньги...

Но я не хотела решать сама. Хотелось, чтобы кто-нибудь большой взял на ручки, покачал и решил все проблемы.

0000007. Там сегодня, наверно, дежурит ненавистная Татьяна, подрабатывает вечерами и макает свой пакетик, вчерашний, подсохший, подумала я, трясясь от злости, в чай. Морщится и пьет. И с таким сморщенным лицом берет сейчас трубку, когда я набираю последнюю семерку.

И я готова была тут же закричать в трубку, как я ее ненавижу, и вылить всю нецензурщину, всю злобень на эту Татьяну.

Но ее не было.

Была старушка, голос ее был не ласковым и баюкающим, а со стариковским задором звенел в трубке:

— Что, Оленька, повеселела? Бей, Оленька, бей!

Я оглянулась, куда?

— Подушка, подушка вон, мягонькая! Кричи, Оленька, ругайся!

Я била, била кулаком, двумя кулаками, я ругалась, сначала тихо, потом во весь голос, с ненавистью на весь мир.

— Вот вам! Вот!.. — такие слова, каких и не знала, что знала…

Столько злобы в себе, как я не захлебнулась в ней, как я жила. Я могла разнести всю квартиру, и хорошо, что это была только подушка. В этот вечер она получила за все. Из домашнего пострадала только купленная утром безделушка.

И опять я спала, как парила. Как конь на клевере, если выражаться не так поэтично.

В этот раз вставать было проще. Болели только запястья, намахалась вчера.

Я с легкостью, но уже не бездумно, приняла решение, легко позвонила и отказалась от престижной работы. Совесть не мучала меня абсолютно. Я решила отдохнуть. Еще раз пересчитала наличность, решила, если что — займу. Тема денег перестала на меня давить.

Несколько раз разговаривала я еще с Семёркой. Мы говорили, казалось бы, ни о чем. И мне становилось то лучше, то хуже, то казалось, что все проблемы уже позади, то накрывало отчаяние, то шел снег белый и пушистый, как в детстве, и я шла и видела, как наступает-подходит Новый год, и покупала игрушки, елочные и одну мягкую собачку, для себя, и засыпала с ней.

И все время мне снились легкие, удивительные сны. И однажды я нашла взрослого человека, который покачает меня и решит все мои проблемы. И он был мной. И это оказалось совсем не страшно.

Сейчас я на работе. Я макаю пакетик в чай, свежий и крепкий, и жду звонка.

— Тебе тяжело и плохо? Я — Ольга. Давай вместе.

Я не стала бабушкой из сказок, но ведь кому-то нужно, чтобы ответил именно мой голос.